Марсовом поле 17 июля 1791 г.". С другой стороны, Карра, рассказывая о приготовлениях уже не к 20 июля, а к 10 августа, пишет: „В этой харчевне у Золотого Солнца, где собирался Центральный комитет, подготовлявший восстание, Фурнье-Американец принес нам красное знамя, на котором, по моему предложению, были написаны следующие слова: «Чрезвычайный военный суд державного народа против бунта исполнительной власти»...". Итак, мысль о том, чтобы сделать красное знамя своим собственным знаменем, по-видимому, пришла народу до 20 июня, как только началась эра народных движений против королевской власти. Но, по-видимому, красное знамя не было развернуто 20 июня или потому, что не хватило времени изготовить достаточное количество красных знамен с революционными надписями, или, скорее, потому, что ‹мэр Парижа› Петион, старавшийся легализировать движение 20 июля, побудил своих друзей отказаться от того, чтобы развернуть его. Но эта мысль удержалась, и 10 августа красное знамя развевалось там и сям над революционными колоннами... Итак, красное знамя означало нечто большее, чем месть. Оно не являлось знаменем репрессий. Это было великолепное знамя новой власти, сознающей свое право, и поэтому с тех пор всякий раз, когда пролетариат будет выражать свою силу и свою надежду, в руках пролетариев будет развеваться красное знамя».[2]

Все же надо ясно представлять себе, как совершенно справедливо пишет Б. Г. Реизов, что «не было „красных знамен 1793 г.". Французская революция выступала под знаменем, в котором к традиционному белому цвету королевского флага были присоединены красный и синий цвета города Парижа».[3]

Окончательно эта революционная символика была закреплена на похоронах генерала Максимилиана Ламарка 5 июня 1832 г. Гейне описал это знамя: красное, с черной каймой, с надписью черными буквами: «La liberté ou la mort!».[4]

В словаре французского языка политическое значение слово «Les rouges» приобрело довольно рано, уже в середине 1790-х годов, очевидно, по связи с флагом.[5]

Нет, однако, ничего неправдоподобного в предположении, что совершенно независимо от Франции и гораздо раньше красный флаг в качестве эмблемы крестьянского восстания употреблялся у разных народов.

---

[2] Жан Жорес. История Великой французской революции, т. 2. Перев. с франц. А. М. Водена, Госиздат, М., 1924, стр. 388—389.

[3] Б. Г. Реизов. Почему Стендаль назвал свой роман «Красное и черное». — «Новый мир», 1956, № 8, стр. 276.

[3] Г. Гейне. Французские дела. — В кн. Г.: Полн. собр. соч., т. VI, М.—Л., 1936, стр. 147.

[5] К. Н. Державин. Борьба классов и партий в языке Великой Французской революции. — Сб. «Язык и литература», т. 2, вып. 1, Л., 1927, стр. 52—53.